

УДК 821.161

Власть как источник конституирования неравенства гендерных идентичностей

Э.К. СКИБА

Национальный горный университет, г. Днепропетровск, Украина,
E-mail: eleonora.skiba@mail.ru**Авторское резюме**

Социальная стабильность является одной из основных конечных целей любого государства. Не отвергая различие и разнообразие общество должно стремиться преодолеть социальную дихотомию, которая результируется в неравенство. Цель статьи заключается в изучении сложного механизма повсеместного проникновения гендерного неравенства, чтобы найти пути возможного решения этой проблемы. Среди методов исследования можно выделить герменевтический метод, который позволил выявить и проанализировать не только явные признаки проблемы, но и те, которые проявляются в контексте существования проблемы. Использован также диалектический метод, позволивший рассмотреть проблему в ее развитии. Анализ и синтез позволили установить взаимодействие и связи разных элементов категорий «неравенства» и «различия», что позволило познать категорию «власть» как единое целое и установить, что социальные институты постоянно воспроизводят на всех уровнях гендерное неравенство.

Ключевые слова: гендерная идентичность, маскулинность, фемининность, гендерное неравенство, гендерное различие, гендер.

Power as a source of the constitution of inequality of gender identifies

E.K. SKIBA

National mining university, Dnepropetrovsk, Ukraine, E-mail: eleonora.skiba@mail.ru

Abstract

Social stability is a major ultimate goal of any state's activity. Society should strive to overcome the social dichotomy that leads to gender inequality without rejecting the distinction and diversity. The purpose of the article is to examine the complex mechanism of widespread penetration of gender inequality, to find possible ways to solve this problem. Among the methods of research we can distinguish such method as the hermeneutical one, which allows identifying and analyzing not only the obvious signs of problems, but also those ones that occur in the context of the existence of the problem. The dialectical method, which allows studying the problem in its development, was also used. Analysis and synthesis allowed establishing communication and interaction of different elements of categories «inequality» and «differences», which allowed to know the category of «power» as a whole and to establish that social institutions have consistently produced the gender inequality at all levels of society.

Key words: gender identity, masculinity, femininity, gender equality, gender differences, gender.

Постановка проблемы. Вопросы гендерной идентичности неразрывно связаны с категориями различия и неравенства. Основной проблемой при рассмотрении истоков гендерного неравенства являются процесс конституирования неравенства через властные отношения, понижающие все социальные институты. Для того, чтобы выяснить почему институт власти имеет такое всепроникающее воздействие и влияние и распространение, важно рассмотреть природу власти и исследовать процесс социализации субъекта. Изучение механизмов власти будет способствовать преодолению гендерного неравенства, как на теоретическом, так и на практическом уровнях.

Анализ исследований по проблеме. В работах таких ученых как М. Киммел, Б. Рисман, Р. Кантер, Дж. Акер, Р. Коннелл и других анализируется рабочее место как проявление социальной дихотомии и доминирования между гендерными идентичностями. В то время как организация или производство рассматриваются как механизм, гендерно

нейтральные, в структурировании власти и полномочий доминируют принципы маскулинности, во многих случаях гегемонной маскулинности.

Это понимание более полно развито в работе Дж. Акер «Иерархии, виды деятельности тела: теория гендеризованных организаций». В своем анализе она прояснила характер взаимодействия структуры и гендера. Именно наш опыт поведения на рабочем месте, по ее мнению, поддерживает и воспроизводит различия между мужчинами и женщинами с позиций доминирования и легитимирует гендерное неравенство. Социальные институты постоянно и непрерывно воспроизводят гендерное различие, дабы оправдать гендерное неравенство. Общее воздействие этого процесса состоит в воспроизводстве всего гендерного режима. Социальные институты вовлечены и формулирование гендерного различия и конституирование гендерного неравенства с позиции доминирования маскулинности. Акер указывает, что гендерное дополнение к продолжающимся процессам,

© Э.К. Скиба, 2015

задуманным как гендерно нейтральные. Скорее, по ее мнению, это неотъемлемая составная часть этих процессов. Эти процессы означают, что вопросы привилегий, доминирования, эксплуатации, эмоций гендерной идентичности моделируются посредством и в терминах различия маскулинности и фемининности. В результате исследований были выделены гендеризованные процессы, принижающие все структуры социальных институтов и легитимирующие неравенство различных гендерных идентичностей [5, р.146.].

Проблеме вовлеченности женщин как социальной группы в политику как публичную деятельность посвящена книга Мариза Тадроз «Женщины в политике: гендер, власть и развитие». В исследовании отмечается, что если мы смотрим на политическую жизнь глазами женщин, то видим на политической арене много неформальных политических институтов, которые обеспечивают поддержку женщин, будучи в то же время ступенями на пути к их реальному участию в большой политике. Автор доказывает, что поддержка женщин должна включать возможность обретать политический опыт, который способствует последующему участию в органах законодательной власти в разных объемах и который так важен для корректировки выработки политических требований. Одним из инструментов включения женщин в активную публичную жизнь, по мнению Тадроз, является сфокусированность усилий макрополитики на уменьшении гендерного разрыва по представительству женщин в законодательных органах по правам [10].

Цель исследования. Необходимо рассмотреть механизм воспроизводства неравенства посредством легитимации различий как идеологического обоснования социальной дихотомии. Проанализировать механизм гендерной субъективации. Исследовать процесс конституирования властных отношений в социальном контексте.

Изложение основного материала. Для исследования механизма проникновения неравенства гендерных идентичностей необходимо исследовать систему устанавливающую дихотомию. Важно изучить роль власти в этом процессе. М. Фуко в работах «История сексуальности», «История Геркулина Барабарена» и «Субъект, власть и послесловие» указывает на взаимосвязь и взаимозависимость власти и сопротивления. Он обращает внимание, что как только появляются властные отношения, проявляется сопротивление. Таким образом, всегда есть возможность изменить влияние власти при определенных условиях и при использовании определенной стратегии. Там, где власть, там и сопротивление. Но иногда власть использует силы сопротивления для своих собственных нужд. Один из способов – это установить стандарты, определить различия и

промаркировать социальные структуры и элементы. Власть и властные отношения повсюду. Социальное поле, по мнению М. Фуко, – это мириады неустойчивых и разнородных властных отношений. Это открытая система, где у каждого есть возможность как доминировать, так и сопротивляться [4,12]. Но такие представители феминистской теории как М. Нассбаум не разделяют мнение французского мыслителя о том, что все виды сопротивлений существуют в поле власти [9, р.40]. Если для М. Фуко субъективность производится властью и у субъекта есть единственная возможность сопротивляться в виде пародирования механизмов власти в акте перформативного действия, то где черпает субъект свою способность сопротивляться, – вопрошают они. Не означает ли это невозможность социальных изменений? Эта дискуссия наглядным образом иллюстрирует тезис о разном содержании социально-философского дискурса в разных культурах. Если М. Нассбаум обвиняет Д. Батлер, что ее концепция перформативной субъективности не может быть применима для реального преодоления дискриминации женщин постколониальных стран, то сами женщины из этих стран говорят об обратном. В связи с этим исследователь Р. Капур замечает, что сам процесс утверждение ценности собственной жизни, опыта и удовольствия является для беднейших женщин важнейшим актом признания значимости собственного опыта и способом репрезентации себя и своего сопротивления [7, р.148].

Таким образом, заявленный перформанс как репрезентация своей субъективности, ощущения себя в данный конкретный момент представляет собой одну из таких «политик сопротивления» в современной культуре, которые, по словам Д. Батлер, демонстрируют неисчерпаемость практик демократии в их стремлении к реструктурированному миру. Разработанная Д. Батлер теория перформативной гендерной субъективности позволяет дестабилизировать единство классических категорий субъекта и создает, тем самым, модель для разных уровней репрезентации новых политик современности. Возникающие квир-теории и ориентирующиеся на постоянно изменяющийся социально-философский дискурс, создают альтернативные проекты гендерной идентичности. Феминистские политики деконструкции традиционных гендерных идентичностей в этом контексте способны расширить возможности политического применения современных политик сопротивления в новых политических проектах современности [2, с.18].

Объясняя механизм практики сопротивления, наличие самой возможности сопротивления в структуре власти М. Фуко отмечает, что субъект, производимый через подчинение, не производится в один единый момент весь целиком. Он производится шаг за шагом. Возмож-

ность повторения индивидуального опыта не позволяет «бесшовно» слиться разьединенному единству, она порождает множество эффектов, ослабляющих силу нормализации. У М. Фуко субъект никогда не выстраивается в подчинении целиком. Он выстраивается в подчинении шаг за шагом [12, р.96].

И можно предположить, рассуждает Д. Батлер, что именно в возможности повторения, в процессе ухода от своего истока, подчинение черпает свою мощную силу [2, с.82]. Жаклин Роуз обосновывает принцип сопротивления, основанный на том, что бессознательное, по ее мнению, пресекает всякую попытку выстроить внутренне согласованную, обладающую определенным полом идентичность. Она отмечает, что именно бессознательное постоянно разоблачает «неудачу» попытки монолитной идентичности. «Неудача», по мнению Ж.Роуз, не должна оцениваться как момент сожаления в процессе адаптации или развития нормальности. «Неудача» – это некий индивидуальный опыт бесконечно повторяющийся и периодически оживающий в наших индивидуальных историях, – пишет исследователь [8, р.90]. Такое несовпадение с общеуказанной нормой может проявиться не только симптоматично, но посредством языковых оговорок, предпочтений и других способов социально-культурного проявления содержания гендерной идентичности. Психическая жизнь личности гораздо богаче и сложнее, чем рамки гендерной идентичности. Поэтому, по мысли Роуз, бессознательное всегда сопротивляется принципу единства и слаженности идентичности [8, р.91].

А. Арентс определяет, что власть соответствует человеческой способности действовать сообща. Власть не является принадлежностью индивида. Власть принадлежит группе и существует пока эта группа держится вместе [6, р.127]. М. Фуко высказывает свое понимание причин живучести властных структур. Фуко подчеркивает, что не существует одного какого-то места Сопротивления – души восстания, очага всех мнений или чистого закона революции. Напротив, существует множество различных сопротивлений, каждое из которых представляет собой особый случай. А именно: сопротивления возможные, необходимые, невероятные; другие – спонтанные, дикие, согласованные, одинокие, неистовые; но и есть и иные – готовые к соглашению, корыстные и жертвенные. По определению, они могут существовать только в стратегическом поле отношений власти [12, р. 95]. М. Фуко утверждает существование множественностей сопротивления, предоставляемых самой властью. В зависимости от нашего положения и нашей роли в данном контексте социальной жизни будут меняться наши интересы и наши союзники. В истории есть лишь неустойчивые и постоянно меняющиеся группы союзников. «Кто с кем

борется?» – спрашивает М. Фуко. И он же отвечает: – «Мы все боремся с кем-то» [11, р. 208]. Власть незримо и зримо присутствует во всех формах нашей жизни, она пронизывает и, тем самым, деформирует наши взаимоотношения и социальные институты. Эти социальные институты, будучи гендеризированными, выражают гендеризированную логику дисциплинарной власти и выступают в качестве одного из факторов воспроизводства гендерного неравенства. По мысли М. Киммела, гендерная идентичность формирует гендеризованные институты, а они, в свою очередь, выражают и воспроизводят неравенства, составляющие эту гендерную идентичность [3, с.157]. Он указывает, что сами институты (например, государственный пост) выражают определенную логику и динамику, воспроизводящую гендерные отношения между мужчинами, женщинами и установленным порядком гендерной иерархии и власти. Рассматривая механизм гендерной субъективации, Д. Батлер отмечает, что идентичность субъекта формируется через практики исключения характеристик не соответствующих принятым социумом для конкретных субъектов. Как указывает М. Фуко, в истории нет никаких фундаментальных объединений, есть лишь последовательность неустойчивых и меняющихся коалиций. А значит, каждый, волю или неволю, утверждает власть повсюду в своих микромирах социальных отношений [11, р. 132].

Проявление гендерной идентичности носит, по мнению Дж. Батлер, перформативный характер. Создав концепцию перформативной субъективности, исследователь доказала, что гендер не несет в себе аутентичное ядро идентичности. Женщина или мужчина могут сказать, что они ощущают себя женщиной или мужчиной лишь в процессе перформативной репрезентации своей субъективности. Она доказала, что индивидуум, проявляя свою идентичность в целом, и гендерную в частности, попадает под прицел властных структур. В исследовании «Психика власти» Батлер говорит, что власть, выполняя коммуникативную, контролирующую, координационную и управленческую функции не только и не столько господствует над уже проявленными субъектами как носителями гендерной идентичности, сколько контролирует сам процесс формирования. Д.Батлер развивает идеи Л. Альтюссера и М. Фуко о том, что слово «субъект» означает не только «я», но оно соотносится со словом «подчинение», поскольку *subjected* означает «тот, кто подчинен». Самоопределение личности, в частности гендерное, происходит в момент подчинения властным нормам, принятому гендерному делению. Разработав концепцию перформативной гендерной субъективности, Д. Батлер утверждает, что никакой «изначальной», пред-дискурсивной сущности, гомосексуальной или лесбийской, не существу-

ет и что все типы постсовременных идентичностей производятся исключительно властью. Перформативность и плюрализация форм гендерной идентичности также не означает возможности свободного, недетерминированного выбора формы своей идентичности, а, наоборот, указывает, что выбор конкретной гендерной идентичности неизбежно выступает как насильственный выбор. Как указывал Л. Алтюссер, человека окликнули, он откликнулся, и, значит, подвергся контролю и одновременно самоопределился благодаря этому контролю[1]. Современный мир пронизан дихотомией мировосприятия. Есть постулированные властью нормы проявления своей гендерной идентичности. Все, кто не вписывается в эти рамки, вынуждены скрывать свою внутреннюю сущность, определяя ее для себя как «ненормативную». Свобода выбора отсутствует. Но, как отмечает Д. Батлер, вопрос даже не в свободе выбора, а в том, что сам вопрос определения личностью своей гендерной идентичности в обществе является проблемой. Необходимо, по мнению Д. Батлер, бороться против той системы политических условий, которые вынуждают их зависеть от необходимости легального признания валидности той или иной гендерной идентичности. Пока институты власти для удобства подчинения определяют нормативность и ненормативность социального поведения, до тех пор всякий, кто не вписывается в определенные рамки, должен сопротивляться с помощью тех средств, которые доступны незащищенному индивиду и, тем самым, демонстрировать власти именно то, что она скрывает или подавляет в нем. В противном случае ему приходится контролировать свое гендерное проявление и тем самым проявлять властные полномочия по отношению к самому себе. М. Фуко в связи с этим говорит о сексуальности как инструменте описания патологий в медицине или любой дисциплинарной практике, где при дисциплинарном контроле должны были описываться разные отклонения. Таким образом, сексуальность – это не образность сексуальности, это не секс, а способ репрезентации сексуальности. Наука не только изучает, описывает, исследует эту проблему, но и контролирует путем выявления отклонений. По мнению Д. Батлер, исключение является тем способом, посредством которого осуществляются различные социальные запреты [2,с.107].

Отношения «власть и секс» как способ репрезентации индивидуума прошли долгий и сложный путь. В XVIII в. власть, по мнению Фуко, стремилась не подавлять беспорядок, а упорядочить возвращение коллективных и индивидуальных сил, дабы они могли служить общественному счастью. Власть руководствовалась необходимостью регулировать секс с помощью дискурсов, частных и публичных. Общество в этот период переходит к аналити-

ческому дискурсу, в котором сексуальное поведение населения взято одновременно как объект анализа и как цель для вмешательства. Изучая процесс проявления властных механизмов и сами истоки доминирования, М. Фуко выясняет, что власть в XVIII в. переходит к более тонким и лучше рассчитанным попыткам урегулирования. Например, сквозь политическую экономию формируется тщательный анализ сексуальных поведений. На границе биологического и экономического рождаются анализ поведений, их детерминация и последствия. Сексуальное поведение пытаются превратить в экономически и политически согласованный элемент социальной жизни[4,с.13].

Важным моментом для проникновения властных нормативных отношений в микромир человека стала система знаний. М. Фуко подчеркивает, что посредством дискурсов, знаний, анализов и предписаний государство предоставило каждому индивиду способность контролировать то, как он пользуется своей сексуальной репрезентацией. По убеждению М. Фуко, власть исторически перемещалась вдоль этих знаний как опоры, умножая свои промежуточные пункты анализа, предлагая все больше способов и вариантов к самоконтролю. Власть, таким образом, стала брать на себя заботу о сексуальности, стала драматизировать беспокоящие моменты, интенсифицируя определенные области. Власть в этот период, по определению Фуко, «берет сексуальное тело в охапку». Мы видим, несомненно, повышение эффективности, расширение полномочий контроля и объема контролируемой области. Механизм власти таков, что она притягивает, извлекает те странности, за которыми сама же неуспешно следит. Как указывает философ, медицинский осмотр, психиатрическое обследование, педагогический отчет, семейный контроль в качестве своей общей цели могут говорить «нет» всем заблудшим и бесплодным формам сексуальности. М. Фуко приходит к выводу, посредством аналитических дискурсов, выявлений, власть осуществляла свое действие через умножение отдельных форм сексуальности. Она не фиксирует границу для сексуальности, но она исследует различные формы сексуальности, следуя за ними по линиям бесконечного внедрения. Власть не исключает сексуальность, но включает ее в тело как способ спецификации индивидов. Она, тем самым, фиксирует сексуальную разнородность и притягивает ее разные вариации. Происходит приращение видов сексуальностей через расширение власти, через предоставление отдельным сексуальностям плацдарма для интервенции. Этот союз обеспечивается благодаря многим экономическим выгодам, таким как проституция, порнография, медицина[4,12].

Выводы. В современном мире процесс расширения спектра заявленных в обществе ген-

дерных идентичностей. Властные элементы пронизывают все социальные процессы, они функционируют в самом индивидууме в его сознании и в его бессознательном.

Власть контролирует и подавляет гендерную идентичность и под гнетом опасности проявления собственной ненормированной гендерной идентичности индивидуум добровольно

- принудительно отказывается от свободы выбора. Этот момент самоконтроля, отказа от свободы является еще худшей формой проявления работы властных структур в социуме. В этом смысле преодоление дихотомии является сложнейшим вопросом как на теоретическом, так и на практическом уровне и требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) [электронный ресурс 26 ноября 2014] / Л. Альтюссер. – М: Неприкосновенный запас, 2011. - №3(77).
2. Батлер Д. Психика власти. Теории субъекции: монография [Текст] / Д. Батлер. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. – 168 с.
3. Киммел М. Гендерное общество [Текст] / М. Киммел. – М.: РОССПЭН, 2006. - 459 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. – М.: Из-во AdMarginem, 1999. – 462 с.
5. Acker J. Hierarchies, Jobs, Bodies: A Theory of Gendered Organizations / J. Acker // Gender and Society, 1990. - Vol. 4. - № 2. - P. 146.
6. Arendt H. On Revolution [Text] / H. Arendt. NY: Penguin Classic, 2006. – 368 p.
7. Kapur R. Imperial Parody [Text] / R. Kapur // Feminist Theory. – London: Sage Publication, 2001. – 182p.
8. Rose J. Sexuality in the Field of Vision [Text] / J. Rose. - London: Verso, 1987. - P.190.
9. Nussbaum M. The Professor of Parody [Text] / M. Nussbaum // The New Republic, 1999. - № 2. – P.39.
10. Tadroz M. Women in Politics: Gender, Power and Development [Text] / M. Tadroz. - Zed Books Ltd, 2014. - 304 p.
11. Foucault M. Introduction [Text] / M. Foucault // Herculian Barbarin: Being the Recently Discovered Memoires of a Nineteenth Century French Hermaphrodite. – New York: Pantheon, 1980. - 171 p.
12. Foucault M. The History of Sexuality [Text] / M. Foucault, - Chicago University Press, 1985. - Vol. 1. - P. 95-96.

Статья поступила в редакцию 04.12.2014

REFERENCES:

1. Althusser L. Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya) (Ideology and ideological state apparatuses (notes for the study)). M: Neprikosnovennyiy zapas, 2011. № 3 (77).
2. Butler D. Psihika vlasti. Teorii sub'ektsii: monografiya (Psyche power. Theories of subjection: monograph). Harkov: HTsGI; SPb.: Aleteyya, 2002. 168 p.
3. Kimmel M. Gendernoe obschestvo (Gender-based society). M.: ROSSPEN, 2006. 459 p.
4. Fuko M. Nadzirat i nakazyivat. Rozhdenie tyurmyi (Discipline and Punish. Birth of the Prison). M.: Iz-vo AdMarginem, 1999. 462 p.
5. Acker J. Hierarchies, Jobs, Bodies: A Theory of Gendered Organizations / J. Acker // Gender and Society, 1990. - Vol. 4. - № 2. - P. 146.
6. Arendt H. On Revolution [Text] / H. Arendt. NY: Penguin Classic, 2006. – 368 p.
7. Kapur R. Imperial Parody [Text] / R. Kapur // Feminist Theory. – London: Sage Publication, 2001. – 182p.
8. Rose J. Sexuality in the Field of Vision [Text] / J. Rose. - London: Verso, 1987. - P.190.
9. Nussbaum M. The Professor of Parody [Text] / M. Nussbaum // The New Republic, 1999. - № 2. – P.39.
10. Tadroz M. Women in Politics: Gender, Power and Development [Text] / M. Tadroz. - Zed Books Ltd, 2014. - 304 p.
11. Foucault M. Introduction [Text] / M. Foucault // Herculian Barbarin: Being the Recently Discovered Memoires of a Nineteenth Century French Hermaphrodite. – New York: Pantheon, 1980. - 171 p.
12. Foucault M. The History of Sexuality [Text] / M. Foucault, - Chicago University Press, 1985. - Vol. 1. - P. 95-96.

Скиба Элеонора Константиновна – кандидат философских наук, доцент
Национальный горный университет
Адрес: 49600, Днепропетровск, пр. Карла Маркса, 19
E-mail: eleonora.skiba@mail.ru

Skiba Eleonora Konstantinovna – PhD in philosophy, associate professor
National mining university
Address: 19, K. Marks Avenue, Dnepropetrovsk, 49600, Ukraine
E-mail: eleonora.skiba@mail.ru